

ISSN 0042-8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

2

2005

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/2005

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Рождение партийной номенклатуры. Публикацию подготовил **М.В. Зеленов** 3

СТАТЬИ

Н.А. Соболева — Создание государственных гимнов Российской империи и Советского Союза 25

П.П. Данилов — Продовольственные ресурсы блокадного Ленинграда 42

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.П. Богданов — Княгиня Ольга 57

ВОСПОМИНАНИЯ

К.Д. Кафафов — Воспоминания о внутренних делах Российской империи. Публикацию подготовила **З.И. Перегудова** 73

СООБЩЕНИЯ

М.А. Бабкин — Святейший синод Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году 97

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

«Дом Мелансва»

№ 1689 п.и.

В.В. Поликарпов — Об отношении царского правительства к еврейскому капиталу в 1916 году 110

В.Е. Крылов — Кумран и Иисус, или прорыв к Абсолюту 116

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневники академика М.В. Нечкиной 124

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Л.Н. Пушкарев — Досуг фронтового госпиталя 149

С.А. Артюхов — О городе Романовске 153

ИСТОРИОГРАФИЯ

А.А. Кононенко — Современная зарубежная историография партии социалистов-революционеров 155

В.М. Шевырин — И.С. Розенталь. Москва на перепутье: власть и общество в 1905—1914 гг. 164

А.С. Королев — «Антинорманизм». Сборник Русского исторического общества 167

В.И. Уколова — П.П. Шкаренков. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха ... 169

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

А.Н. Свалов, С.В. Тютюкин, Т.И. Филимонова — О Г.В. Плеханове и новом «историографическом прорыве»... 173

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

О Г.В. Плеханове и новом «историографическом прорыве»

В № 7 журнала «Вопросы истории» за 2004 г. опубликована статья Е.А. Григорьевой «У истоков теории и практики российских “марксистов”». Такая крупная тема, предполагающая значимые для современной историографии обобщения, не может не привлечь повышенного внимания (даже одно слово марксисты в названии, взятое в кавычки, заинтриговывает). Автор, ранее занимавшаяся, главным образом, историей народнической эмиграции в конце XIX в., на этот раз выступает с претензией на обновление сложившихся в историографии — и не только отечественной — оценок Г.В. Плеханова, группы «Освобождение труда» и значения ее деятельности по пропаганде, распространению и развитию марксизма.

Уже на первой странице цель статьи обозначена вполне ясно: развенчать представление о Плеханове как родоначальнике российского марксизма. Это, мол, не более чем легенда, рожденная самим Плехановым и поддержанная большевиками для доказательства «родовитости» их происхождения и обоснования «политики третирования, а затем и физического уничтожения антибольшевистского инакомыслия» (с. 77). В действительности же, постулирует автор, не было никакого плехановского «прорыва» марксизма в Россию. Неужели читатель после таких смелых строк отложит статью?

Понятно, что для заявленного историографического откровения нужна весьма серьезная аргументация. О ее характере судите сами.

Один из тезисов автора статьи заключается в том, что Плеханова нельзя считать пионером марксизма в России, поскольку еще до него и до группы «Освобождение труда» некоторые русские общественные деятели и ученые проявляли интерес к марксизму, ценили К. Маркса и Ф. Энгельса как крупных мыслителей. Но кто же спорит с тем, что Маркса открыл для России отнюдь не Плеханов? Советская историография, столь не любимая Григорьевой, имеет в активе целую серию работ, в которых обстоятельно раскрывалась тема «Маркс, Энгельс и Россия». Ко времени эмиграции Плеханова в 1880 г. и основания в 1883 г. группы «Освобождение труда» представители самых различных течений русской научной и общественно-политической мысли в России уже использовали отдельные положе-

ния марксистской теории для обоснования своих взглядов и анализа процессов, протекавших в стране. Отметим, что если бы марксизм был «terra incognita» в России, в том числе в среде народников, вряд ли вообще стал бы возможен относительно быстрый переход Плеханова и его сторонников с позиций революционного народничества на позиции марксизма. Поэтому роль Плеханова как пропагандиста марксизма состоит не в том, что он открыл его для России, а в том, что он — в отличие от прежних читателей и почитателей Маркса — принял новое мировоззрение в целом и доказывал, что оно полностью применимо к России и способно стать «Ариадниной нитью» освободительного движения и пролетарской борьбы за социализм. Именно в таком контексте в историографии оценивается деятельность Плеханова и его соратников по группе «Освобождение труда» как пионеров марксизма в России. Есть ли смысл пытаться отрицать или игнорировать эти общепризнанные выводы?

Значительная часть статьи посвящена проблеме взаимоотношений Плеханова с народниками, прежде всего народовольцами, и тому, какие оценки этим взаимоотношениям давали Маркс и Энгельс. При этом Е.А. Григорьева рисует Плеханова в самом неприглядном свете. Он-де проявлял идейную непоследовательность, плохо понимал Маркса и Энгельса, их рассуждения и выводы, относящиеся к России, был фразером, интриганом. Е.А. Григорьева предлагает задуматься над «моральными истоками» группы «Освобождение труда», над тем, почему Плеханов с товарищами-чернопередельцами покинули Россию, хотя непосредственной опасности для них не было? Читателя подводят к выводу: сам факт эмиграции свидетельствует об их нестойкости как революционеров, а возможно, и об элементарной трусости. То ли дело героические народовольцы, люди конкретных революционных дел! На помощь призывается Маркс, который в письме Ф. Зорге от 5 ноября 1880 г., действительно резко отозвался о руководителях чернопередельцев, «добровольно» покинувших родину и отказавшихся таким образом, как он полагал, от революционно-политической деятельности. Поспешность этих суждений Маркса доказало время. Что касается Е.А. Григорьевой, то она

использует здесь, как и в ряде других случаев, имя Маркса для подкрепления своего заранее заданного негативного отношения к Плеханову. Она даже не пытается разобраться в причинах этих оценок Маркса. Между тем основоположник марксизма опасался, что плехановская группа, которая в эмиграции все еще и не проявила себя, может начать открытую пропаганду анархо-коммунистических взглядов бакунинского толка. При этом нет никаких оснований резкость оценки Маркса относить к Плеханову лично.

Для доказательства безразвенности Плеханова и его соратников Е.А. Григорьева напоминает об «утреннем» письме Маркса, датированном 8 марта 1881 г., в котором, в ответ на просьбу В.И. Засулич, содержались его размышления о возможных судьбах крестьянской общины и перспективах развития капитализма в России. Но опять-таки историка интересует не содержательная сторона дела. Плеханов, по ее утверждению, строил планы по захвату лидерства в революционном движении и для этого надеялся воспользоваться ответом Маркса (см. с. 80—81). Словом, Плеханов был человеком, которым явно двигали корыстные мотивы. Для подтверждения данного тезиса приведены высказывания Л.Г. Дейча, цитаты из статьи Засулич 1918 г., взятые вне конкретно-исторического контекста. Но неужели Е.А. Григорьевой не известно, что именно в это время нараставшие сомнения Плеханова и его товарищей в правильности народнической доктрины дополнялись активным интеллектуальным поиском качественно новых решений? Неэффективность индивидуального террора, провал «хождения в народ», развитие капитализма в России и рост популярности марксизма на Западе подталкивали часть бывших чернопеределцев к переходу на марксистские позиции. При этом обращение за советом к Марксу было продиктовано не личными, а сугубо идейными мотивами, поскольку его авторитет в русской революционной среде был очень высок. Правда, к чести автора статьи, она открыто не обвиняет Плеханова в «утаивании» письма Маркса, в котором допускалась возможность при определенных условиях использовать в России общину для перехода к социализму. Если же говорить о фактической стороне дела, то необходимо отметить, что история с этим письмом и ответ Маркса неоднократно привлекали внимание историков и научной общественности. Есть основания полагать, что Плеханов, скорее всего, даже не был в курсе письма Засулич к Марксу.

Е.А. Григорьева обращается и к другим известным «историям», которые показывают, насколько сложной была ситуация в эмигрантской среде в 1880-е годы. Однако и здесь автора интересуют прежде всего все новые доказательства того, что плехановцы были людьми коварными, «с двойной моралью» (с. 82). В статье в один ряд выстраиваются стремление властей после убийства Александра II 1 марта 1881 г. развалить до основания «Народную волю» и планы самого Плеханова «взорвать изнутри» эту революционную партию. Подобные «подтягивания» со стороны профессионального историка отдают цинизмом. Ясно, что царизм старался уничтожить радикалов и подавить революционное социалистическое движение, а Плеханов — наоборот, укрепить его с учетом новых российских реалий, опыта классовой борьбы и рабочего движения в Западной Европе.

Серьезные просчеты автора при описании отношений Плеханова с народовольцами и представителями других народнических течений состоят, на наш взгляд, в том, что на передний план в статье выдвигаются не принципиальные аспекты этих отношений, а постоянное желание Плеханова «руководить», «подмянуть под себя» других и т.д. К примеру, срыв плана по участию Плеханова в редактировании «Вестника "Народной воли"», конечно же, нельзя объяснять только его нарочитым желанием возглавить издание журнала (с. 81—83). К началу 1883 г. завершалась эволюция Плеханова к марксизму, и если П.Л. Лавров и Л.А. Тихомиров как редакторы, а также тесно связанные с этим проектом С.М. Кравчинский и Н.С. Русанов были готовы к компромиссам, то Плеханов — нет. Для него задача состояла уже в пропаганде марксизма как идейной основы российского революционного движения, чего, разумеется, не хотели организаторы «Вестника». Почему же об этом ничего не пишет автор статьи?

После образования группы «Освобождение труда» закончилась фактическая монополия народнической идеологии в революционно-социалистическом движении России. Е.А. Григорьева справедливо указывает, что вопреки мнению Плеханова и прежней «официальной историографии» никакого «разгрома» народничества не произошло (с. 84). Оно еще долго сохраняло свои идейные позиции, постепенно эволюционируя в неонародничество. Достаточно напомнить, что в России, как и среди эмигрантов, действовали различные, хотя преимущественно и малочисленные, организации народнического толка, а в начале XX в. возникла неонародническая партия эсеров. Можно, по нашему мнению, согласиться с общей направленностью рассуждений автора о том, что расчеты плехановцев на жизнеспособность одного только марксизма как «самого правоверного» идейно-политического течения были нереалистичны и в ряде случаев действительно препятствовали конкретным совместным действиям марксистов и народников различной окраски.

Основное содержание статьи показывает, что симпатии Е.А. Григорьевой на стороне народников, которые боролись под революционно-социалистическим знаменем. С подчеркнутым уважением она пишет, например, о П.Л. Лаврове и Г.А. Лопатине. Плеханов же и его единомышленники, по ее мнению, такого отношения не заслуживают. Что поделаешь, насильно мил не будешь. Мы ни в коей мере не ставим под сомнение высокие моральные и интеллектуальные качества представителей народнического течения и не умаляем заслуг, к примеру, того же Лаврова, оставшегося в отечественной истории одним из образцов социалиста, обладавшего и многими симпатичными человеческими чертами. Но зачем же рисовать личность Плеханова, описывать его деятельность в сугубо темных красках? Действительно, у Плеханова, как и у ряда других крупных исторических деятелей, был довольно тяжелый характер. Он был вспыльчив, часто капризен, обидчив, злопамятен, чрезмерно амбициозен, что испытывали на себе такие разные люди, как В.И. Ленин, В.И. Засулич, А.Н. Потресов, П.Б. Аксельрод и др. Частично это объяснялось его генетическими корнями, частично изнурительной многолетней болезнью, как и остротой идейной борьбы, сложной, порой склочной атмосферой в эмигрантских кругах. Однако упреки в «вож-

дизме» (с. 92), думается, сделаны Е.А. Григорьевой не по адресу. Плеханов был выдающимся идеологом и теоретиком российской социал-демократии, РСДРП, но он был лишен харизмы и качеств вождя. Примеры его общения с массовой аудиторией можно пересчитать по пальцам, а связи с низовыми партийными организациями были крайне ограниченными. У большевиков роль вождя играл Ленин, а после 1917 г. и Л.Д. Троцкий; у меньшевиков же вождя или вождей за всю их историю вообще не было. Характерно, что за исключением сравнительно небольшого периода между II съездом РСДРП и весной 1905 г. Плеханов, в отличие от Ленина, не занимал в партии никаких выборных постов. Добавим к этому, что, если бы Плеханов стремился стать «вождем», он старался бы, например, максимально расширить состав группы «Освобождение труда». Однако это сделано не было, причем существует мнение, что ставка Плеханова на сохранение узкого, элитарного состава группы была ошибкой, ослабившей позиции плехановцев в период создания РСДРП.

Противопоставляя Ленина Плеханову, Е.А. Григорьева отмечает отсутствие у последнего законченного высшего образования, опять-таки «забывая», что с головой ушедший в народническое движение 20-летний Плеханов был не просто исключен из Горного института, но и лишен материальной и физической возможности продолжить свое образование хотя бы в форме экстерната, как это на десять лет позже сделал Ленин. Однако огромная тяга к знаниям и колоссальная самодисциплина позволили Плеханову путем самообразования стать одним из самых эрудированных, культурных и авторитетных социалистов европейского масштаба. Об этом свидетельствует и сохранившаяся до наших дней его библиотека, хранящаяся в Доме Плеханова в Санкт-Петербурге.

Признаемся, нас поразили попытки автора статьи поставить под вопрос авторитет Плеханова как марксистского теоретика, интеллектуала. Характеризуя первые марксистские работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», Е.А. Григорьева акцентирует внимание на их недостатках и резюмирует: развиваемые в этих произведениях положения «не согласовывались с тем, что накопила практика освободительной борьбы в России, как и общественно-политическая мысль, в том числе и марксистская...» (с. 83). А далее, напомнив его высказывание о том, что теория Маркса осталась для народников «непрочитанной главой любимой книги», она делает симптоматичную ремарку: «Скорее всего, она осталась таковой для Плеханова и прочих так называемых «ортодоксальных марксистов»» (с. 84—85). Откуда такое пренебрежение, на чем оно основано? В конце статьи автор приводит тенденциозно-негативные отзывы отдельных меньшевиков о Плеханове как теоретике. Он-де и не проводил «самостоятельных исследований», и не был «объективным исследователем» и т.д. Но учитывает ли историк, что эти отзывы были сделаны меньшевиками, которые еще до смерти Плеханова считали его «не нашим», поскольку пионер марксизма

в России проявлял себя нефракционным социал-демократом.

Явная предвзятость в подборе конкретно-исторического материала приводит в ряде случаев автора к выводам, от которых давно отказалась историография. Анахронизмом сегодня выглядит, к примеру, ее вывод, что стремлением Плеханова «к установлению личной диктатуры в партии было вызвано разделение социал-демократов на большевиков и меньшевиков» (с. 91). Здесь, как и в других случаях, упоминаемых в статье, все объяснено происками Плеханова, свойствами его натуры. Между тем в литературе обстоятельно показано, что в основе раскола РСДРП в 1903 г. были прежде всего причины принципиального характера, связанные с внутренним развитием российской социал-демократии на рубеже веков. Более чем странными для профессионального историка выглядят утверждения на той же странице, что Плеханов создал фракцию меньшевиков и «здесь ему, наконец, удалось стать лидером». Общеизвестно, что создателем меньшевистской фракции и ее руководителем после II съезда РСДРП был Ю.О. Мартов, тогда как Плеханов в августе — октябре 1903 г. шел вместе с большевиками. Впоследствии его взаимоотношения с меньшевиками были, как известно, достаточно сложными: по многим вопросам он занимал «особую позицию», с 1909 г. отошел от официального меньшевизма и возглавил меньшевиков-партийцев, а потом группу «Единство». Напомним, что когда 19—26 августа 1917 г. меньшевики проводили свой первый самостоятельный партийный съезд, Плеханов на нем не был, хотя за несколько дней до этого участвовал в Государственном совещании в Москве, на котором выступал с речью. Эти известные факты никак не согласуются с выводами Е.А. Григорьевой о «вождистских» претензиях Плеханова. Обратим внимание на то, что автор статьи фактически не обращается к современной отечественной и зарубежной литературе о Плеханове. Что это? Принципиальный идейный нигилизм, или нежелание знакомиться с работами своих коллег, в которых Е.А. Григорьева заранее видит своих противников, апологетов «официальной историографии»?

Плеханов и его единомышленники стояли у истоков теории и практики российского марксизма, они были не «марксистами», а марксистами. Попытки Е.А. Григорьевой осуществить некий «историографический прорыв», опровергнув историческое значение их деятельности, следует, на наш взгляд, считать неудавшимися.

*А.Н. Свалов,
кандидат исторических наук, профессор
Российского государственного
социального университета;
С.В. Тютюкин,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института российской истории РАН;
Т.И. Филимонова,
кандидат исторических наук, директор
Дома Плеханова. Санкт-Петербург*